

Металлический Ген

Автор:

[Anne Dar](#)

Металлический Ген

Anne Dar

Дикий Металл #2

Теа продолжает борьбу за свою жизнь. Теперь ей приходится противостоять не только внешней опасности, но и бороться с собственным разумом. Она больше никому не может доверять, особенно тем, кому ей больше всего хотелось бы верить. Ответы на терзающие вопросы даны, но сразу же утрачены, близкие люди обременены старыми тайнами, новые связи становятся слишком опасными. Иллюзии выбора больше не существует: выбор уже сделан, но он не принадлежит Теа. Цена же чужих решений оказывается слишком высокой. За право на жизнь ей придётся бороться с сильнейшими. Книга вторая.

Anne Dar

Металлический Ген

Глава 1.

Я затаилась за широкостволой осиной. Внизу, в ложбине, засыпанной прошлогодней листвой, мертвенно-коричневый цвет которой теперь тонким резным узором покрывает мороз, пасётся годовалая лань. Она роет копытом у трухлявого пня, в надежде найти первую зелень, но до полноценной весны ещё

далеко, поэтому ей приходится довольствоваться старыми корнями.

Здесь только мы: я, лань, вырывающийся из наших лёгких рваными лоскутами пар и скрипучий шаг старого в этом году мороза, заполняющий собой предрассветную лесную тишину, прозрачную и едва уловимую, как сама жизнь.

Я прицеливаюсь в последний раз, чувствую замерзшим пальцем холод изогнутого курка, чувствую пульс... До весны ещё далеко. До неё необходимо дожить. Я доживу. А эта лань нет.

Дождь смыл почти весь снег. В Кантоне его совсем не осталось, но в лесу то тут, то там ещё виднеются белоснежные островки, покрытые толстой ледяной коркой. Эта корка неприятно хрустит под ногами, поэтому я стараюсь обходить стороной снежные проплешины. И всё же в мартовском лесу, мороз в котором будет царствовать ещё несколько недель, постепенно сокращая свои владения до ночных и сумеречных часов, сложно скрывать своё присутствие – каждый неосторожный шаг разлетается по округе с десятикратно преувеличенным треском. Однако сейчас я уже могла не переживать об этом. Разделанная лань за моими плечами ознаменовывала окончание охоты.

Лань попалась небольшая, но сам факт того, что она мне встретилась, говорил о том, что скоро начнётся оттепель – животные возвращаются к стенам Кантона, а это значит, что голодный период скоро закончится. Официально находиться за стенами Кантона запрещено, не то что охотиться, но ликторы этим правилом, естественно, пренебрегают. Кантон-А самый бедный из всех десяти Кантонов в Дилениуме, и ликторов сюда присылают соответствующих. Если в Кантоне-Ј ликтор мечтает служить, Кантон-А – это страшный сон любого военнослужащего. Можно сказать, что сюда ссылают на службу “неудобный” Дилениуму ликториат. Поэтому среди этого сброда иногда можно отыскать толковых парней, сосланных в “А” за политические или иные личностные взгляды, противоречащие режиму Дилениума, однако среди них, конечно, больше отморожков и настоящих головорезов, угнетающих и даже терроризирующих местное население. Разные случаются истории с участием

этих парней. К примеру, в прошлом году один из них по-любви женился на местной девушке, чем буквально спас её и её немногочисленное семейство от голодной смерти во время очередной голодной зимы, а его кузен, известный нечеловечески высоким ростом и неестественно ровной первой сединой на висках, спустя месяц после этого радостного события до смерти забил бездомного ребёнка, попытавшегося своровать у него буханку хлеба. Хлеб остался у ликтора, а забитый до смерти несовершеннолетний вор остался лежать в центре города, пока труп не убрали по приказу его убийцы. Никто словно ничего и не заметил. Потому что в этих краях всегда прав тот, у кого в руках оружие...

Я машинально поправляю винтовку за плечами. Старая, с приделанным к ней самодельным глушителем из масляного фильтра, она уже который год спасает нас от голодной смерти. Пока оголодавшие ликторы отстреливают дичь с южной стороны Кантона, иногда рыща в поисках добычи у западных и восточных стен, мы с Эльфриком орудуем с северной стороны стены, непроходимой и действительно опасной части леса. Здесь можно найти всё: болота, ядовитые растения, ядовитых насекомых и непроходимые дебри из вьющихся кустов. Но еще здесь водится добыча. И её здесь, что очевидно, больше, чем в тех частях леса, в которых ликторы бродят десятками и шумят громкими пулемётными очередями.

Не опасно ходить по опасной части леса, если ты знаешь тайные, годами проверенные и проторенные собственными ногами тропы. Однако я всё равно начеку. Голод – страшная сила, способная отключить в человеке чувство самозащиты. На пороге весны, не менее голодной, чем её предшественница зима, какая-нибудь пара ликторов (обычно они не ходят по одному – страх всегда сильнее их) может отважиться направиться со своими шумными пулемётами чуть севернее от привычной им территории – и что тогда?

Опасное это время года. Очень опасное. Голодные звери начинают просыпаться после зимней спячки, голодные люди начинают звереть...

Я резко оборачиваюсь из-за хруста ветки, раздавшегося приблизительно в ста метрах за моей спиной. Ничего не вижу. Только предрассветная синь, с каждой минутой всё более равномерно рассасывающаяся между черными стволами деревьев. Поправляю на плече мешок с разделанной ланью, стою еще тридцать секунд и, убедившись в тишине, продолжаю движение по направлению к стене.

Лань вышла килограмм на двадцать пять, не больше. С собой я забрала около десяти кило, остальное подвесила в переделанном перед зимой мной с Эльфриком убежище, устроенном на старом дубе. Убежище получилось неплохим: подобие небольшого домика, способного вместить двух человек, только без высокого потолка и полноценных окон, через которые внутрь могли бы пробраться такие животные, как, например, рысь. Одна пыталась, за что мы сказали ей искреннее спасибо, подстрелив кошку с земли – благодаря этой встрече в январе у нас появились мука и масло: выменяли на мех. И всё равно этого уже тогда было мало. Теперь, когда за нашими спинами стало больше голодающих ртов, мы с Эльфриком напрочь забыли о том, что какую-то часть добычи можно хранить про запас – всё добытое нами расходилось в течение суток.

Одним декабрьским вечером, после суточного шатания по лесу в очередной раз вернувшись домой с одним лишь хворостом для растопки камина, мы с Эльфриком не сговариваясь одновременно произнесли слово “троллей”. К тому времени все звери в округе словно сговорясь ринулись вглубь леса, явно почуяв наступление суровой зимы, и мы начали по-настоящему голодать. Поэтому уже спустя сутки после принятия решения мы по-дешевке толкнули шестьсот двадцать метров пусть и тронутого ржавчиной, но всё еще хорошего стального троса старику, заведующему сбором металлолома и утилизированной тары. Благодаря этому обмену на протяжении двух последующих недель мы могли позволить себе отварной картофель, а позже нам попалась рысь, безнадежно пытающаяся проникнуть в наше пустующее убежище на дереве... В общем, мы смогли пережить три месяца зимы. А как минимум одна рысь, три лисицы, три кабана, пара десятков перепелов, дюжина зайцев, приблизительно около сотни белок и одна лань её не пережили. И это без учёта вырезанного нами кустарника, который мы с Эльфриком ежедневно выносили на себе из леса целыми снопами – нашим подопечным нельзя было болеть, тем более после их тяжелой осенней простуды, побороть которую удалось отчасти благодаря своевременно найденному мной и безжалостно разорённому пчелиному дуплу. Однако тролlea у нас больше нет, поэтому крупную дичь мы теперь вынуждены забирать за несколько подходов – прежде было очень удобно спускать её через лес по тросу к старому каштану, от которого до входа в наш подземный тоннель оставалось всего каких-то сто метров... За остатками лани придется вернуться сразу после поспешного завтрака, чтобы свежая кровь не успела привлечь плотоядных животных...

Я снова останавливаюсь, разворачиваюсь и оглядываюсь по сторонам. Справа, вдоль всего фиолетового неба, всё ещё мерцающего замерзшими звёздами,

ярко-желтой полосой, обрамленной красными рубцами, начинает брезжить рассвет. С каждым днём он наступает на несколько минут раньше. Хорошо. Уже совсем скоро в лес вернётся тепло. А пока я пытаюсь спрятать свои замерзшие пальцы в длинных рукавах кожаной черной куртки, на размер больше необходимого моей фигуре. Куртку Эльфрик по-глупости – вернее из заботы, которую я сочла глупостью, но о чём, естественно, промолчала – выменял для меня в октябре у одного из человеческих ликторов. Совершенно новая, утеплённая, всего на один размер больше необходимого, она обошлась Эльфрику в целых пять белок, двух куропаток и одного бобра. Я не могла на него злиться... Конечно не могла. И не только потому, что им этот подарок был преподнесен мне в честь его дня рождения. Еще потому, что девочкам он подарил по паре персиков, а Дельфине декоративный кулон, которому та обрадовалась гораздо больше, чем я своей куртке, хотя я изо всех сил старалась улыбаться через зубы. Пять белок, две куропатки и бобёр... Но не только из-за королевского подарка на фоне скромных подарков Дельфины и девочек, которых вообще не должно было быть, я не могла злиться на Эльфрика. В последнее время нам эмоционально сложно друг с другом...

Не дойдя до куста можжевельника, растущего на крышке, ведущей в подземный лаз, я снова осматриваюсь по сторонам, но на сей раз скорее чтобы насладиться рассветом, нежели чтобы убедиться в том, что я нахожусь здесь одна. Ранние птицы только начинают распеваться, где-то в кронах замерзших до самых сердцевин деревьев шепчет северный ветер, над головой догорают звёзды... Начало марта: всегда красивое и всегда жестокое. До “настоящей” весны рукой подать, а с учётом того, что у меня за спиной висит десять кило свежего мяса и еще около пятнадцати подвешено на дереве приблизительно в двух километрах отсюда – шансов на выживание у нас теперь точно больше пятидесяти процентов. Половину первой части добычи отдам на приготовление Дельфине, остальные килограмм пять разнесу по Кантону: у булочника выменяю пару буханок хлеба, у знакомого воровщика попытаю удачу с мылом, у бакалейного процентщика вырву беспроцентный чай и хотя бы по сто грамм дрожжей и бобов, и еще соседям нужно оставить хотя бы полкило свежатины, в конце концов у них скоро на один голодный рот станет больше. И о чем только думают люди, заводящие детей в подобном месте? Эльфрик с Дельфиной хотя бы предохраняются посредством травяного настоя, ингредиенты для которого я запасла для Дельфины на год вперед – не хватало мне еще о её растущем животе переживать.

Интересно, о чём думали мои родители, рожая меня здесь...

Я ничего не имею против Дельфины. Она действительно хороший человек. Именно та, кто нужен Эльфрику. Рассудительная, красивая, умеющая вкусно готовить из минимального набора ингредиентов, знающая и практикующая медицину, а эти её пышные волнистые волосы длиной до лопаток, в которых, благодаря настою из полыни и болотной мяты, никогда не заводятся блохи... Живи Эльфрик с этой женщиной в другом месте, более счастливом и сытом, они бы могли быть по-настоящему счастливой и неприкрыто красивой парой. Хотя они и в Кантоне неплохо смотрятся, только немного затравленно из-за этого постоянного страха перед голодом, холодом, съехавшими после долгой зимы с катушек ликторами и смертью, не важно кого: её, его, моей или девочек. Какое "другое" место я могу иметь в виду - я не знаю. Другой Кантон? Например "J"?.. Нет, по-моему, ни в одном из Кантонов человеку невозможно обрести счастье. Может быть в Кар-Харе, но я не уверена, что счастье обитает именно там.

Я не бывала ни в других Кантонах, ни в Кар-Харе, однако я почти была уверена в том, что счастье не может существовать в полноценном виде в пределах Дилениума.

Пределы... В последнее время я слишком много о них думаю. По крайней мере так недавно сказал мне Эльфрик, когда я в очередной раз заговорила с ним о том, что, по его мнению, может лежать за пределами известных нам земель. Конечно, мы оба не видели ничего кроме Кантона-А, но я имела в виду нечто более масштабное: за пределами Кантонов лежит Кар-Хар, Кар-Хар - граница Дилениума, его сердце, но что лежит за ним? Не может ведь Дилениум быть всем миром, мир в принципе не может быть настолько маленьким.

"Единственные пределы, которые ты должна преодолевать - это пределы своих возможностей. Каждый день, каждый час, каждый миг...", - уверенно начинал отчеканивать в ответ уже известные мне мысли Эльфрик, но, встречаясь со мной взглядом, вдруг осекался, как осекался последние полгода во время всех подобных этому разговоров со мной.

Прошло уже полгода. Полгода, как я вернулась в Кантон-А... За полгода ясность так и не наступила. Никто не знал, где я пропадала и что за время моего отсутствия со мной случилось. Больше остальных не знала я.

Глава 2.

Шестью месяцами ранее

Слишком яркий свет вытянул мою душу на поверхность обессиленного тела. Стоило мне только приоткрыть глаза, как он беспощадно вре?зался колкими лучами, казалось, прямо в мой взнервованный мозг. Люминесцентные лампы были особенно жестокими на фоне отражающих их белоснежных стен. Мерное пищание оксиметра, закрепленного на моём указательном пальце правой руки, отдавалось неприятной пульсацией в висках.

С силой зажмурив глаза, я дотронулась головы правой рукой и в эту же секунду из моей груди вырвался невольный стон. Ощущение, будто мою руку что-то оттягивает в сторону, заставило меня повторно разомкнуть глаза и, на сей раз, оценить обстановку более обстоятельно. Мой лоб был перебинтован, правая рука утыкана одновременно пятью иглами, поставляющими через прозрачные трубки в мои страшно раздувшиеся вены жидкость пяти разных оттенков алого цвета.

Продолжая оглядывать незнакомую мне комнату, через невероятные усилия заставляя свои веки не опускаться темным занавесом между мной и миром, я вдруг начала вспоминать о том, как после столкновения с Платиной, во время прохождения в Руднике испытания с подвешенным канатом, оказалась в медицинском крыле...

Платина!

Воспоминания нахлынули на меня ледяной волной, всего в одну секунду отрезвив моё сознание. За эту секунду перед моими глазами пронеслись невероятно яркие картины минувших кошмаров и мой пульс мгновенно участился, о чем не преминул засвидетельствовать оксиметр, издав истошное пищание, которое вдруг начало еще более беспощадно въедаться в подкорку моего головного мозга. Одновременно вырвав из болящего предплечья все пять игл, венчающих угрожающие трубки, я попыталась вскочить на ноги, но тут же рухнула на прохладный пол, задев левой рукой стоящий рядом жестяной столик с разноцветными бутылочками на нём.

Мои ноги недвусмысленно отказывались со мной сотрудничать, прозрачно намекая мне на мою немощность и беззащитность, и, плюс к внезапно ослабевшим ногам, перед глазами у меня вдруг всё закружилось и покрылось пульсирующими точками с искрящимися, неровными краями.

Предпринимая попытки остановить тяжелую одышку, я заодно сорвала с пальца оксиметр, чтобы наконец оборвать назойливое, предательски учащенное пицание своего взбунтовавшегося пульса.

Кроме бледно-голубой медицинской рубашки, едва прикрывающей мои подозрительно костлявые колени, на мне больше ничего не было, отчего моему неожиданно истощенному телу сейчас было прохладно находиться на блестящем и каком-то неестественно стерильно-чистом кафельном полу.

Опираясь о койку, я постепенно заставила своё тело подняться при помощи дрожащих рук. В который раз выхватив взглядом кровоподтек на изгибе локтя, посиневшего от игл, я вдруг неожиданно резко поняла, где именно я нахожусь и что со мной происходит. Последнее, что в этот момент я смогла вспомнить – это сжимающиеся кулаки Платины, находящегося в финишной капсуле напротив меня в Ристалище. Да, точно, мы выбрались из той мясорубки... Выходит, я в Руднике... Значит... Воткнутые в мои вены иглы могут означать только одно: меня, как носителя пятой группы крови, осушают!

Ужас сковал мои ноющие мышцы, но мой ступор продлился всего лишь несколько секунд. Недолго думая, я подтянула к себе одну из трубок капельниц, лежащих на измятых простынях, и сжала в кулаке толстую иглу, прикрепленную к её концу. Ресницы почему-то стали мокрыми. Я почувствовала это, быстро заморгав из-за внезапно помутнившегося взгляда.

Поднеся иглу к сонной артерии, я сделала несколько глубоких вдохов, после чего зажмурилась и... Призвав всю силу своей предательски дрожащей руки, полоснула себя по шее.

...От резкой боли, отлетевшей куда-то вверх моего многострадального черепа, мои ноги снова подкосились. Обрушившись на пол, я инстинктивно зажала рану левой ладонью, правой продолжая держаться за сморщившуюся простынь, свисающую с койки. При падении я во второй раз задела жестяной столик, и на сей раз установленные на нем цветные пузырьки сорвались на пол. С дребезгом

разбившись, они врезались в мою левую ногу мелкими осколками, но я почти не чувствовала этой боли. По руке, судорожно прижимающей рану на шее, стекал горячий кровавый ручей, на моих глазах окрашивающий надетую на меня светло-голубую, почти выбеленную рубашку в бордовый цвет.

Не прошло и пяти секунд после моего громкого падения, как дверь, расположенная в пяти шагах напротив изножья моей койки, распахнулась, и в палату буквально вбежал некто в белоснежном халате – доктор?..

– Она порезала себя! – прокричал мужчина, кудрявые волосы которого выглядели нечёсанными как минимум несколько дней. Сначала я прочла на бейдже, болтающемся на его худой шее, словно ошейник на породистом псе, имя Вёрджил Ф., и только после этого заметила, что он пришёл не один.

Вслед за доктором в палату ворвалась Скарлетт, лысина которой показательно отражала свет люминесцентных ламп. Сразу за её спиной находилось еще две фигуры, но из-за ослабевающего сознания я не смогла рассмотреть их лиц. Моя рука, резко потерявшая последние остатки сил, соскользнула с зияющей раны на шее, и доктор, рухнувший передо мной на колени, в эту же секунду больно наложил на открытую рану свою холодную ладонь.

Прежде чем окончательно провалиться в темноту, я успела увидеть, как Скарлетт падает на колени рядом с доктором. В момент, когда её вытянутое лицо нависло надо мной – неужели она была напугана? – моя голова неестественной дугой запрокинулась назад и из моего горла вырвался жуткий хрип, после чего перед моими глазами неожиданно возникло бледное лицо Золота и... Я почти была уверена в том, что сразу за ним стоял Платина, но у меня больше не осталось сил на зрение – мои глаза закатились и захлопнулись, словно остекленевшие шары, угодившие в бездонные норы. Я погрузилась в темноту.

Еще некоторое время я слышала посторонние голоса, сплетающиеся в замысловатый клубок какофонии, чувствовала чьи-то теплые пальцы на своём теле и при том, что я не была способна хотя бы приоткрыть свои словно налившиеся сталью веки, единожды мне померещилось лицо Платины, после чего я окончательно потеряла связь с внешним миром, погрузившись в невероятно глубокий, неописуемо черный и пугающе холодный колодец. Впрочем, уже скоро не осталось ни глубины, ни холода. Только темнота.

Глава 3.

Настоящее время

Огонь в камине угасает. Не позже чем через час я должна буду подкинуть в него хворост и дубовые ветки – дуб горит долго и даёт хороший жар, так что до утра мы точно не замёрзнем.

Камин старый, закопченный и такой маленький, что и камином-то его назвать язык поворачивается скорее по привычке, а не потому, что это ярко выраженная действительность. В своей жизни я видела всего два камина: наш почерневший от копоти и украшенный хотя и старой, хотя и потрескавшейся, но внушительной лепниной в здании Администрации. Пустой и разъявленный, обрамленный пожелтевшими от старости зубами рот камина стал первым, что я увидела, придя тогда в себя на неестественно чистой и подозрительно мягкой софе, обитой странным материалом бордового цвета, меняющим оттенок, если провести по нём ладонью против ворса...

Примерно через час я подброшу дров в огонь и пойду спать. Сытая и физически уставшая, почему бы мне не быть довольной?.. Еще через час после моего отхода ко сну проснется Эльфрик или Дельфина, кто-нибудь из них позаботится о том, чтобы огонь не погас окончательно, а если погаснет, кто-нибудь обязательно его возобновит, может быть этим кем-то буду я или кто-то из спящих сейчас за моей спиной.

Я сижу спиной к единственной жилой комнате нашего дома. Старая ширма отрезает от нее небольшое пространство в углу, в котором я коротаю свои ночи на пяти овечьих шкурах, раздобытых мной ещё перед началом зимы. Эльфрик с Дельфиной спят в противоположном углу на дряхлом диване, покрытом покрывалом из той же овечьей шерсти. Накрываются они прохуdivшемся в двух местах одеялом. Олуэн и Лия спят в центре комнаты, на полу, покрытом медвежьей шкурой – не наша добыча, Эльфрик выменял её у знакомого ликтора,

взамен отдав половину разделанного кабана.

Олуэн только недавно исполнилось пятнадцать лет, Лии только пять. Девочки дружны, но часто меланхоличны. Неудивительно. В эту пору года в Кантоне радостного ребенка, не то что взрослого человека, днём с огнём не сыщешь. И всё же сегодня у нас был повод отбросить мрак если не за пределы наших жизней, тогда хотя бы за порог нашего дома: сегодня все мы были сыты, здоровы и обогреты. С начала этого года совпадение этих трех пунктов у нас негласно приравнивалось к празднику, всего же таких праздников за последние девяносто пять дней едва ли насчитается больше, чем пальцев на моих обеих руках. Зима в этом году отличилась особой суровостью.

Дельфину Эльфрик привёл в наш дом без моего согласия. В начале августа в Кантоне случился серьёзный пожар, выгорело целых два квартала, сгорел и дом Дельфины. Естественно Эльфрик, как негласный защитник этой женщины, на протяжении десяти лет сохраняющий безопасную от неё дистанцию, сразу же предоставил погорелице свою крышу, заодно взяв под своё крыло её малолетних сестру и племянницу. Не многим пострадавшим от пожара так повезло: кто-то разбрелся по нищим родственникам, кто-то ушел в рабочий или, как его называют в Кантоне, рабский дом, а кто-то остался на улице. Большая часть погорельцев лишилась своих жизней уже после первых заморозков. Дельфина же, Олуэн и Лия благополучно продолжали выживать благодаря нашему с Эльфриком покровительству. От пожара они успели спасти немного: пару мешков барахла в виде тряпок, дюжину кур и одну козу. Кур мы доели в декабре, козу пришлось прирезать месяц назад, что было особенно жалко – молоко она давала жирное, но кормить её стало нечем, так что выбор был очевиден. Так от приданного Дельфины остались только тряпки и мелкое барахло, что-то из которого можно было назвать весьма полезным. К примеру, её жестяной чемоданчик с древними, но всё ещё функциональными медицинскими орудиями, или ржавый примус, на котором готовить оказалось удобнее, чем в камине...

Хотела бы я думать, что мы с Эльфриком разучились смотреть друг другу в глаза дольше десяти секунд (я вела подсчёт) из-за этого. Потому, что Дельфину он привёл в наш общий дом не спросив моего на то разрешения. Вот только я не была против Дельфины, её сестры и племянницы, даже несмотря на то, что кормить их всех приходилось мне напополам с Эльфриком. Я не могла, не хотела и не ощущала ни внутреннего, ни внешнего сопротивления на этот счёт. Тем более Эльфрик тогда не мог спросить моего мнения касательно расширения

нашего круга, прежде не превышающего размеров в две персоны, потому что в тот момент меня здесь не было. А где я была – я не знаю. Моё незнание и является причиной того, что мы разучились смотреть друг другу в глаза. Мы оба испытывали глубинное чувство вины: Эльфрик за то, что я не могла вспомнить, я за то, что забыла. Только в моём случае вина ещё была подкреплена необоснованным беспокойством, прогрессирующим на фоне мрачной погоды, спёртого воздуха в Кантоне и беспокойных ночных кошмаров, которые я никак не могу запомнить после пробуждения...

Я вздрогнула, ощутив шевеление на козьей шкуре, на которой неподвижно сидела последние полчаса напротив камина. По-видимому, я в очередной раз слишком глубоко погрузилась в свои мысли и задумалась о том, чего не знаю или, как мне порой кажется, знаю, но знание это отчего-то забыто мной, погребено в самых недрах моей подкорки...

– Тебе стоило бы спать побольше, – опускаясь на козью шкуру рядом со мной, заметил Эльфрик. Он часто делает это – выдаёт замечания по поводу моего физического или психологического состояния. На первый взгляд кажущиеся отшлифованными, оба эти мои состояния испещрены мелкими трещинками, которые, кажется, вижу только я одна и, каким-то немислимым образом, иногда замечает Эльфрик.

– У меня всё в порядке, – отвечаю я.

Я часто делаю это – говорю и веду себя так, словно у меня всё под контролем. На самом же деле где-то глубоко в душе, где-то в самом дальнем углу неизученного мной подсознания, заброшенного и покрывшегося непроницаемым слоем паутины, я осознаю, что это ложь. Та самая, в которую я хочу и буду верить ровно столько, сколько мне хватит на эту веру сил. Все силы потрачу, но верить не перестану.

– Держи, – Эльфрик, по обыкновению не смотря на меня, на сей раз предпочтя одаривать своим взглядом утихающий в камине огонь, протянул в мою сторону не новый кожаный чехол, по торчащей ручке из которого я с первого взгляда определила его содержимое.

– Что это? – тем не менее решила поинтересоваться я, при этом неосознанно сдвинув брови. Мне это не понравилось.

– Почти новый клинок. Я его заточил, – он положил подарок у моего бедра.

– Сколько ты за него отдал? – еще сильнее сдвинула брови я, зная, что новый оружейник сейчас дерёт втридорога.

– Пять кило лани.

– Эльфрик, пять кило! – я не вскрикиваю и не повышаю голоса, но в конце моего высказывания явственно слышен восклицательный знак. – Прежде чем делать подобные обмены, советуйся со мной.

– Долго ты сегодня утром разделявала лань кухонным обрезком?

– У меня при себе был твой клинок.

– Мы браконьеры, Теа, – он встретился со мной взглядом. Отсчёт пошёл. – Для нас главное оружие, а не временное утешение добычей, – пять-шесть-семь... – Не будет клинка – не будет добычи. Оружие твоя еда, а не те пять кило лани.

Всё, время истекло. Ровно десять секунд и голубые глаза смотрят в другую сторону. Если бы сейчас он не отвёл взгляд, я бы отвела свой. Не важно, кто из нас отводит прицел, главное, что всё мимо.

– Мы не браконьеры, – на едва уловимом выдохе бросаю свой взгляд в камин вслед за взглядом собеседника, – мы охотники. И пять кило мяса не помешали бы нам в ближайшее время, – моя строгость становится мягче.

– На ловца и зверь бежит, – с этими словами он пододвинул свой презент впритык к моему бедру. Свой старый клинок я сломала две недели назад, неудачно разделав лисицу – лезвие отломилось от рукоятки, когда моя рука сорвалась и я полоснула орудием по булыжнику. – Раз объявилась одна лань, значит скоро придут и другие.

– Орудовать придется больше, – задумчиво и с некоторой долей надежды произнесла вслух я, в очередной раз сдвинув брови и на сей раз взяв подарок в руки. Раскрыв чехол и вытащив клинок, я оценила его заточку – для Эльфрика всегда было важно, чтобы холодное оружие было заточено до предела. Да и мне

тоже этот фактор всегда казался пунктом крайней важности. По-настоящему же важным я уже не знаю, что можно считать. В последнее время грань между естественным и противоестественным мне вдруг стала казаться опасно смутной.

Не выпуская клинка из правой руки, я неосознанно потерла шею левой ладонью. Странная привычка, с силой тереть сонную артерию в моменты погружения в задумчивость, закрепилась за мной с момента моего прихода в сознание.

– Когда тебя забрали, я знал, что ты не тэйсинтай, – вдруг решил оборвать минутное молчание Эльфрик. – Знал не потому, что мне рассказали, хотя уже к вечеру весь Кантон, словно взъерошенный улей, гудел о том, что именно произошло во время Церемонии Отсеивания. Я знал это потому, что ты не из тех, кто способен наложить на себя руки.

– По-твоему, я настолько слаба? – повела бровью я, лишь на пару секунд встретившись с собеседником взглядом.

– По-моему, ты слишком сильна.

Повисло молчание. Не неловкое, а скорее “мыслительное”. Я пыталась осознать смысл слов собеседника, оценить эту слепую веру в мою силу, но что-то подтачивало во мне уверенность в том, что это может быть правдой. Эта сила оставаться живой несмотря ни на что, о которой пытался сейчас толковать мой давний знакомый. Что-то здесь было не так... Кажется, я ощущала ложь. Но она исходила не от Эльфрика – он говорил искренне. Она исходила из недр меня, как горячий гейзер, с рёвом и силой пробивающийся из-под плотного пласта земли, из-под моего нутра.

– Меня когда-нибудь звали по-другому? – прикрыв глаза, слегка запрокинула голову я.

– Ты о чём? – в голосе Эльфрика слышится напряжение, и я, не опуская головы, приоткрываю глаза и бросаю на него косой взгляд. Один-два-три-четыре-пять... На сей раз не выдерживаю я.

– Не знаю, – едва уловимо выдыхаю, вновь уставившись на красные угли в камине.

Снова это чувство. Едва уловимое ощущение вины где-то глубоко под рёбрами, в области грудной клетки, заточившей в себе ноющую неясность. Я действительно не знаю, о чём порой говорю с Эльфриком или что у него спрашиваю. И мне за это, за своё и за его незнание (но больше всё-таки за своё), видимо, немного стыдно. Сама не знаю откуда берётся это чувство, с чего вдруг и почему возникает. И тем не менее я не останавливаюсь и не пытаюсь себя одёрнуть: я продолжаю выпытывать сама не знаю что и о чём у того, кто не знает ответов. Эльфрик наверняка считает, что ответами на свои вопросы владею я сама. Я тоже так считаю. Вот только шкатулка с этими знаниями потерялась. Не мной, но кем-то внутри меня...

– Я не знаю, что там с тобой произошло, Теа, – внимательно смотрит на меня Эльфрик, но я не смотрю на него, чтобы не считать секунды. – Я знаю лишь, что тебя не было два месяца и четырнадцать дней. А потом ты вернулась. Живая и невредимая.

Проходит несколько секунд молчания, и Эльфрик аккуратно добавляет:

– Иди спать. Я присмотрю за огнём.

Подождав десять секунд – привычка счёта рискует в скором времени стать частью моей личности – я встаю, подбираю с козьей шкуры подарок и ухожу за свою ширму...

Я пытаюсь заснуть, но руки отказываются меня слушаться, чего я совершенно не осознаю. Сначала я левой рукой глажу правую руку, делаю это долго и с силой, затем скольжу по животу, правую подсовываю под спину и изгибаюсь, словно в попытке нащупать на спине что-то пустое и неестественное. Спустя несколько минут я накладываю правую руку на лицо, перевожу её на лоб, тем временем левой рукой держась за шею, словно пытаюсь задержать в ней свою жизнь, зажать и по глупой случайности или неумению вдруг не выпустить, не потерять...

Я осознаю, что не контролирую свои телодвижения, в момент, когда левая рука слишком сильно увлекается – мне становится сложно дышать из-за силы давления на шею собственной ладони. В следующую секунду я резко отстраняю от себя руки, словно они шпионы, незаметно прокрававшиеся в мой тыл и прорвавшие мою, казалось бы, прочную оборону.

Нет, я не схожу с ума... Просто я не знаю. Я не знаю, и это страшнее, чем... Чем всё, что я знаю.

То, что я забыла, страшнее моей реальности. Но что может быть страшнее моей реальности? Прежде мне казалось, что ничто. Теперь же я убеждена, что что-то есть. И это "что-то" навсегда останется со мной. Поэтому я пытаюсь вспомнить: лучше наверняка знать, с чем тебе придётся жить, чем не знать и всё равно продолжать с этим жить. Или я ошибаюсь. И лучше не вспоминать. Но я никак не могу прекратить пытаться... Никак не могу себя заставить, заставить свой внутренний голос, заставить свои незапоминающиеся и беспрерывные кошмары, свои блуждающие руки... Блуждающие...

Глава 4.

Шестью месяцами ранее

У меня очень сильно звенело в ушах. Очень... Сильно.

Этот мучающий мои перепонки звон вырвал меня на поверхность сознания. Как только я раскрыла глаза, звон прекратился. Он оборвался словно натянутая струна, стоило мне только широко распахнуть глаза.

Я лежала на чём-то твёрдом. Будто на доске. Надо мной нависал белый потолок с белыми лампами, распыляющими приглушенный свет. Стены были выкрашены в холодный тёмно-голубой оттенок. Голова совсем не болела. Глаза не резало и не слепило. В ушах не плескалось и больше не звенело. Во всём теле ощущалась неестественная сила.

Я захотела подняться на предплечья, но у меня не получилось. Что-то держало меня. Спустя секунду я увидела чёрные ремни – они сковывали мои руки, врезаясь в запястья, фиксировали ноги и обвивали талию. Моё тело заковали так, словно действительно боялись того, что я смогу разорвать на себе как

минимум половину сдерживающих меня элементов. На самом же деле я бы не смогла справиться уже с теми ремнями, которые ограничивали движения моих рук – зачем было приковывать меня столь основательно?

И всё же, откуда во мне столько силы?.. В последний раз моего возвращения в сознание, я представляла из себя живой скелет, неспособный устоять на ногах, но способный перерезать свою сонную артерию...

Моя шея!.

Я резко дернула головой, но, естественно, мне это не помогло – только затылком больно врезалась.

Что, в конце концов, происходит?.. Где я нахожусь?.. Почему меня привязали ремнями?.. Почему на мне эта одежда?.. Кто меня переделал?.. Одежда... Она похожа на... На ту, в которую одевал меня Кастиэль в Руднике.... Нет, меня тогда одевал Платина руками Кастиэля... Сколько времени прошло?.. Месяц?.. Нет, минимум два... Месяц в Руднике и еще один в Ристалище...

Ристалище?!.. Я была в Ристалище!.. Со мной был Платина!..

Я резко приподнялась и ещё раз с силой дёрнулась, но из-за оказанной с моей стороны силы давления ремни с ещё большим противодействием отшвырнули мои конечности обратно на твёрдую кушетку и, вновь врезавшись затылком, я вдруг заметила боковым зрением – в помещении я была не одна.

Медленно повернув голову вправо, я увидела пожилую женщину в голубом костюме, сидящую на белом стуле всего в паре шагов от изголовья моей кушетки. Закинув ногу на ногу, она задумчиво касалась кончиком указательного пальца верхней губы, внимательно рассматривая меня с головы до ног. Острые скулы, выпрямленные седые волосы длиной чуть ниже подбородка, бесцветные глаза... Она не была похожа на медсестру или доктора. Она не была похожа ни на кого. Этот факт на подсознательном уровне заставил мои мышцы напрячься: кулаки сжались, челюсти плотно сомкнулись, зрачки расширились...

– Знаете ли Вы, что с Вами произошло?

“Кто Вы?” – сразу же попыталась отреагировать вопросом на вопрос я, но совершенно неожиданно не смогла этого сделать.

Ужас накрыл меня только спустя несколько секунд, когда я наконец осознала, что вместо слов из моего рта вырвалось невнятное мычание.

Забыв о том, что я скована ремнями, я интуитивно дернулась, но удерживающий механизм вновь отбросил моё тело на твёрдую поверхность. Как же неестественно я, должно быть, смотрелась со стороны: вычищенная, вымытая, с противоестественно переливающимися волнами волос, в аномально свежей одежде и...

Немая?!..

Я онемела?!..

Я больше никогда не...?

Я не успела додумать свои страшные мысли – сидящая напротив меня гостья перебила их. Или это я нахожусь у неё в гостях?.. Что это за место?.. Почему здесь так холодно?.. Как... Как в морге!..

– Теа Диес, первая в истории девушка пятикровка, – вновь заговорила отстраненным тоном женщина, и я снова обратила на неё внимание. Она продолжала рассматривать меня с задумчивым выражением лица. – Что из сказанного мной сейчас – ложь?

Что?.. Что она имеет... У меня не пятая группа крови?.. Я не пятикровка?.. Тогда почему я здесь?.. Это ошибка?.. Страшное недоразумение?.. Слишком страшное...

– Ах, да, ты ведь не можешь мне ответить. У тебя немота, – женщина коснулась кончиком указательного пальца своих тонких бледно-розовых губ и постучала по ним. – Можешь не переживать на этот счёт. Твоё тело накачали раствором пилфония. Этот препарат... Этот наркотик замедляет сенсорную реакцию и сильно влияет на речь. Именно поэтому мы с тобой не можем сейчас вести нормальный человеческий диалог. Хотя еще эти ремни, – женщина

высокопарным жестом указала на сдерживающие меня механизмы, – они тоже мешают. Но можешь не переживать – я умею говорить в одни ворота. Мне не нужны ответы. Поэтому ты будешь молчать.

Что?.. Что она... Что значат её слова?.. Я буду молчать, потому что ей не нужны ответы?.. Это по её распоряжению меня накачали?.. Наркотиком?..

– Прекрати ворочаться и смотри на меня, – потребовала женщина, однако без жесткости в голосе. Она продолжала поддерживать задумчивый образ, словно разговаривала сама с собой и не обращала никакого внимания на таракана, лежащего перед ней на кушетке. В любой момент ведь может его прихлопнуть... Меня... Но не делает этого... Почему?.. Потому что?.. – Теа, сосредоточься. Понимаю, это сложно тебе даётся из-за действия пилфония, но всё же попытайся, если хочешь хоть что-то понять. Хотя это совсем не обязательно, ведь ты всё равно всё забудешь.

О чём она говорит?.. Что это...

– Меня зовут Ивэнджелин Эгертар. Знаешь, кто я такая?

Ивэнджелин... Эгертар... Все знают. Но в Кантонах понятия не имеют, как она выглядит. Правительница Дилениума. Да, точно...

– Вижу, тебе помогла сосредоточиться эта информация, значит осознаёшь, с кем имеешь честь вести этот... Монолог. – Женщина пронзила меня бесцветным взглядом. Я замерла. По венам разлилось практически осязаемое чувство... Опасности. – Пожалуй, я начну с того, на чём ты остановилась... Ты выбралась из Ристалища. Вернее, – она вдруг постучала кончиками тонких пальцев по своему ровному лбу, украшенному двумя глубокими морщинами, – тебе помогли выбраться. Наши Платина и Золото. Любимчики публики, любимчики Кар-Хара... – она вновь задумалась, но её задумчивость вновь быстро оборвалась. – Финишируя, ты сильно пострадала во время стычки с Ртутью, в процессе которой тебя недурно потрепал Черный Страх. У тебя были многочисленные ранения брюшной полости и спины, была раздроблена правая рука, ушиб головы. Множественные рваные раны, несколько трещин и пара переломов. Всех ранений и их степеней не перечислить. В медицинской капсуле тебя латали восемнадцать часов к ряду, дважды прибегая к использованию дефибриллятора. Это значит, что у тебя дважды останавливалось сердце, – оторвав руку от

подбородка, женщина показала мне два пальца, вновь врезавшись своим бесцветным взглядом прямо в мои глаза. – Твоё сердце пришлось латать на ходу. Ты выжила лишь благодаря двойному переливанию крови и своевременному восстановлению мягких тканей. Когда твоей жизни больше ничего не угрожало, тебя перевели на искусственное дыхание, с которого сняли только спустя сутки. В коме ты провела семьдесят два часа, после чего очнулась, благополучно перерезала себе сонную артерию и залила своей кровью чуть ли не всё медицинское крыло. Однако ты промахнулась: сантиметром выше и миллиметром глубже, и мы бы с тобой сейчас не общались.

Я замерла. Пульс взбесился. Мышцы натянулись до предела...

– Наверняка ты родилась не в одной рубашке, девочка. Иначе как объяснить тот факт, что я общаюсь с покойницей? За прошедшие семьдесят пять дней ты должна была умереть... – собеседница снова задумалась и наигранно поджала губы. – Раз пятьдесят. Не находишь?

Я не находила. Я вообще ничего не находила... Почему я здесь?.. Что происходит?.. Чего эта особа от меня хочет?..

– Давай я начну с самого начала. С самого-самого начала... – задумчивость – порок этой серой женщины. – Всё началось с таяния ледников. Человечество недоценило силы природы, а, как известно, нельзя недооценивать своего противника...

Я сдвинула брови в попытке сосредоточиться. У меня получалось всё лучше и лучше. Недооценивать силы противника нельзя, это известно любому охотнику, но при чем здесь природа? Природа госпожа, кормилица, мать, но только не противник. Тот, кто называет её противником, ничего о ней не знает. Я – знаю.

– Земля захотела очиститься от паразитов и опустилась в глубокую ванну, – продолжала Ивэнджелин, не обращая никакого внимания на мои мысли. – На данный момент растаяло семьдесят восемь процентов Антарктиды, но ты ведь не знаешь, что есть Антарктида... – Нет, я не знала... – Это один из старых шести материков. Мы сейчас находимся на седьмом. Новом. Отколовшемся от Евразии ровно пять десятилетий тому назад. Мне тогда шел лишь пятнадцатый год, – Евразия?.. Это тоже материк?.. Что такое “материк”?.. – Но людей подвёл не изменившийся климат. Люди – существа живучие, выживут даже если самые

теплые течения в океане предадут свой градус. Людей же подвело любопытство – самый страшный и самый могущественный инструмент в вопросах прогресса. И регресса. – Собеседница умолкла, вновь углубившись в собственные мысли, а я начала пытаться понять, к чему это всё, зачем нужен этот разговор, но не видела, не находила ответа. Тем временем Эгертар вновь очнулась и продолжила свой неспешный монолог, значение которого всё ещё продолжало оставаться для меня загадкой. – Сначала в тающих льдах люди находили весьма “любопытные” находки: останки реликтовых растений и животных, кладбища кораблей и менее весомые, но не лишённые своеобразного шарма ремесленные атрибуты древних народов... Но однажды наступил день, в который они совершили действительно интригующее открытие – они наткнулись на захоронение, состоявшее из десятка человеческих мумий. Экспедиция, совершившая находку, была межнациональной, в результате чего найденные мумии были доставлены в разные концы света: две были отправлены в Бразилию, три в Соединенные Штаты Америки, три в Россию и еще две в Китай. – Что за названия? Это наименования Кантонов?.. Государств вроде Дилениума?.. Она не собиралась пояснять. – Спустя две недели после полученных посылок Северная и Южная Америка, Европа, Азия и, каким-то образом, Африка были поражены странным вирусом. – Пять. Она назвала пять мест. Не шесть... – Вирусносителями оказались останки древних людей, живших на территории Антарктиды приблизительно десятью тысячами годами ранее нашей эры. Организмы современных людей не были готовы к столь мощному штамму неизвестного вируса – их иммунитет еще никогда не сталкивался со столь сильным противником. Первая волна вируса распространялась среди населения воздушно-капельным путём, но вирус мутировал за считанные сутки и вскоре путь его передачи видоизменился. Люди начали кусать друг друга, а вскоре и есть. Если человек выживал в попытке не быть съеденным, но был укушенным, вскоре он сам начинал нападать на людей, с целью перегрызть своей жертве глотку. Признаки зараженности выявлялись достаточно просто: у зараженных отмечалась повышенная активность, повышенная температура тела, а еще зараженная кровь при соприкосновении с воздухом мгновенно покрывалась плёнкой металлического оттенка. Вакцину от этой заразы так и не нашли. Уже спустя месяц после находки, сделанной учёными в Антарктиде, Старый Мир пал. Атомные взрывы прозвучали на пяти континентах, что лишь усугубило ситуацию. Оставшейся в живых горстке людей негде было приткнуться: воздух, земля, вода – всё было отравлено. Для зараженных же, не находящихся в эпицентре взрывов, подобный расклад не представил особенных проблем. В итоге выжившие люди разбрелись по островам, оставив континенты зараженным. Со временем же пали и острова. Остались лишь мелкие деревни на окраинах мира где-то посреди мировых океанов. А еще остался Дилениум – самый крупный

осколок уцелевшего человечества. Разделенный на Кантоны, сейчас он насчитывает три миллиона спасённых душ. Три миллиона – всё, что осталось от восьми миллиардов людей, живших на планете Земля пять десятилетий назад. А ведь на момент гибели Старого Мира в Дилениуме нашли спасение одиннадцать миллионов душ... У Дилениума с самого начала не хватало ресурсов на такое количество людей. И хотя территории у нас было достаточно, наши ресурсы были ограничены. На нашу землю прибыло слишком много голодных ртов, всех было не прокормить, и тем не менее они продолжали плодиться и размножаться... Тридцать лет назад моему отцу, предшественнику мне президенту Дилениума, пришлось устроить чистку среди населения Кантонов. В тот год мы уничтожили всех жителей от Кантона-А до Кантона-Ј, перешагнувших возрастную отметку в сорок лет. Примерно вышло около четырех миллионов голодных ртов. – Женщина сказала эти слова совершенно бесстрастно. Совершенно... По моим жилам растекся холод. – Еще спустя одно десятилетие уже мне пришлось проводить чистку среди обнищавшего населения: мой отец больше не мог мне помочь в столь сложном принятии решения, так как к тому времени его убили его же страхи. Я же с математической точностью поняла, где именно он просчитался: необходимо было зачищать не стариков, но молодое поколение. Таким образом все девушки и женщины Кантонов в возрасте от четырнадцати до тридцати лет в тот памятный год Великой Чистки были принудительно стерилизованы. На какое-то время население перестало расти, но ненадолго: вскоре начали плодиться те, кто избежал стерилизации, не попав в возрастную категорию на момент чистки. Однако теперь не было необходимости подавлять новый приплод – у нас появилась противоположная проблема: Кар-Хар поразила болезнь, вызывающая бесплодие у готовых к репродукции женщин. Не находишь это парадоксальным? Стоило мне стерилизовать женщин в Кантонах, как в течение следующего десятилетия в сердце Дилениума, в его столице, рождаемость снизилась на восемьдесят пять процентов. – Я не находила... Я ничего не находила. Эта женщина сумасшедшая. Она чудовище... – Мне пришлось пойти на компромисс: на протяжении последних двадцати лет я позволяю бесплодным парам из Кар-Хара усыновлять детей из Кантонов. Условия становления родителем в условиях бесплодия достаточно просты: ты должен быть богат, щедр и свихнувшимся на идее стать родителем. Один ребёнок стоит миллион монет, второй ребенок обойдётся заказчику вдвое дороже. Заказчик говорит, кого именно он хочет – мальчика или девочку – и ему привозят ребёнка. Если он хочет “нового” ребёнка, его ему поставляют из Кантонов “Е” или “F” – эти Кантоны играют своеобразную роль инкубаторов, переполненных роженицами, рассчитанными на обеспечение притока новой крови в Кар-Хар. Если же заказчик по какой-то причине не хочет “нового” ребёнка или недостаточно богат, чтобы иметь возможность приобрести

новорожденного ребёнка, его ему поставляют из любого другого Кантона, естественно соблюдая единственное условие – ребенок не должен быть старше года, чтобы со временем он не вспомнил о своей истинной родине и не начал задавать вопросов. Система, на протяжении двух десятилетий работающая как часы, – сумасшедшая скрестила перед собой указательные пальцы. – Однако правда заключается в том, что мы вырождаемся. Мы урезали население, чтобы восполнить ресурсы Дилениума, но мы перестарались. Уже сейчас в Кар-Харе восемьдесят пять процентов молодёжи – выходцы из Кантонов. И пусть они не хотят признавать своё грязное происхождение, их мнение ничего не меняет: они – грязь. И этой грязи под ногтями Кар-Хара с каждым годом становится всё больше и больше... – женщина перевела дыхание. – Я пытаюсь это остановить. Этой болезни уже двадцать лет, а причина до сих пор не найдена. Я предвижу вымирание человечества из-за бесплодия, но я вижу выход, – наши взгляды встретились. У меня перехватило дыхание. Она свихнувшаяся, спрятавшаяся под маской здравомыслящего человека... Она... – Я знаю, где нужно искать, – многозначительно повела бровью Эгертар. – Пятьдесят лет назад, в момент поражения человечества Стальным вирусом, учёные Старого Мира, обладающие высшими медицинскими технологиями, в попытках создать вакцину создали первых Металлов – людей-мутантов, людей-воинов, людей, не являющимися людьми. Металлы не стареют, не заражаются, они в десять раз сильнее среднестатистического человека, в сто раз выносливее – всех качеств не перечислить, – она замерла, и уже спустя мгновение продолжила голосом, опустившимся на тон ниже. – Никто не знает формулы вакцины, которую учёные Старого Мира ввели подопытной Сотне. Их лаборатория стерта с лица земли, Сотня Металлов разбрелась по падшему миру, однако через какое-то время у них начали рождаться дети. Ребёнок, рожденный от союза Металла и обычного человека – носитель пятой группы крови. Пятикровка способен со временем стать Металлом, если капсула в его сердце, органе, разгоняющему кровь по организму, будет правильно вскрыта... – женщина снова замерла и снова, подумав несколько секунд, посылая свой взгляд вникуда, продолжила. – Из той Сотни Прародителей Металлов в живых осталось немного. Парадокс, – криво усмехнулась женщина, – фактически бессмертные, почти все Чистые Металлы вымерли, а мы, хрупкие людишки, обременённые смехотворно короткой жизнью и унижительной старостью, всё ещё живы... Ни одного Чистого Металла в Дилениуме нет. Зато их потомков здесь осталось предостаточно – все нынешние пятикровки в каком-то колене связаны с Прародителями... Когда Сотня прибыла в колонию Дилениума, нам казалось это невероятным, чем-то на грани чуда – девяносто два мужчины и восемь женщин отыскали остатки цивилизации спустя десятилетие после падения Старого Мира. К тому времени мы уже беспрекословно верили в то, что на других континентах жизни не осталось, как

вдруг... Пришельцы добрались до нас через зараженную территорию целыми и невредимыми. Мы стали изучать их и вскоре выяснили, что новоприбывшие поселенцы практически бессмертны. А еще они оказались весьма любвеобильны, – президент поджала губы. – За три года пребывания мужчин-Металлов в разных Кантонах они оплодотворили столько женщин, что точного числа возможных их наследников подсчитать просто невозможно, тем более с учётом того, что пятикровие порой передаётся через поколение: у отца пятой группы крови может быть не выявлено, зато у его сына или внука оно будет сиять ярким светом. Мы слишком поздно взялись отслеживать возможных пятикровок – первое колено было упущено, следующие зачастую не являлись носителями, а их потомки с пятой группой крови начали повсеместно появляться в разных уголках Кантонов. Всех отследить оказалось невозможным и по причинам военного положения тех лет. Но отсеить – с лёгкостью, – она врезалась в меня взглядом. Речь шла о Церемонии Отсеивания... Зачем она мне рассказывает об этом?.. – Сотня вскоре ушла из Дилениума. Вернее, покинула его частично: между мирным населением и Металлами произошла стычка, в результате которой погибло сто тысяч наших солдат, из Металлов же, предположительно, уцелело не больше двух десятков особей. – Особей? Она их даже за людей не считает... – Прародители или Протометаллы, сверхлюди или мутанты, не важно, как они зовутся или как мы их зовём – они потерпели поражение под мощью Дилениума. Наши враги скрылись в зараженных землях, но оставили нам ценный подарок – своих потомков, носителей их ДНК. С годами пятикровки, как и нормальные люди, начали вырождаться. Они становятся всё слабее и слабее, не каждый пятикровка теперь способен обратиться в Металл даже при правильном вскрытии капсулы. Результат: один к тысячи – совсем ничтожный. Однако это не отменяет ценность носителей пятой группы крови. На её основе медики Кар-Хара пытаются вывести инъекции. Прежде у нас была цель обрести вакцину от Стального вируса, что фактически дало бы нам неограниченную власть и ресурсы: зараженные земли были бы присоединены к Дилениуму, перед нами открылись бы новые горизонты, имей мы антиген, будь мы способны отразить атаки Блуждающих и не быть зараженными от контакта с ними... Но теперь у нас есть ещё одна цель – получить лекарство от бесплодия. Относительно недавно учёные Кар-Хара смогли сделать прорыв: девять женщин смогли забеременеть от своих мужей после длительного принятия таблеток, в основе которых лежала кровь пятикровки. Еще два десятка подопытных женщин умерли из-за аллергической реакции, но это лишь естественный расход на пути к победе. Сейчас у нас почти есть всё: мы почти изобрели вакцину от бесплодия и почти открыли лекарство от Стального вируса. Мы выяснили, что десять миллиграмм пятой группы крови в сутки помогает Блуждающему оставаться в здравом уме и не срываться на каннибализм, в то время как девять или

одиннадцать миллиграмм не дают никакого успеха. Кроме того, мы обнаружили, что можем создавать Суррогатов. Иными словами: превращать обычных людей в Металлы при помощи переливания человеку пятой группы крови. Однако подобную процедуру за последние три десятилетия пережило всего три экспериментальных экземпляра из двух тысяч подопытных. Сейчас эти экземпляры широко известны как Ртуть, Свинец и Франций. Для подобных опытов и было создано Ристалище: на этой территории учёные Кар-Хара работали с мутациями, создавали их и подавляли, игрались с ними и понимали саму суть происхождения... Со временем проект “Ристалище” стал неинтересным и финансово невыгодным, и мы его забросили. Теперь раз в пять лет Кар-Хар проводит на его территории Металлический Турнир – ещё один блеф во имя общего блага.

Она вдруг резко замолчала. На сей раз на целую минуту.

Чего эта женщина добивается от меня? Хочет, чтобы я поняла это всё?.. Но зачем? Зачем ей рассказывать?..

Она вновь перебила мои мечущиеся в голове, словно дикие лошади в закрытом стойле, мысли:

– Металлический Турнир – иллюзия для тех, кто богат, и для тех, кто хочет разбогатеть. Отсюда столько тэйсинтаев – добровольных самоубийц, готовых поставить на кон свою жизнь во имя призрачных и глупых мечтаний. В твоём же Кантоне даже сказку о лучшем будущем придумывать не понадобилось – люди в той земле и без лишних иллюзий спокойно отдают своих родных на заклятие. Что же касается иллюзии для привилегированной прослойки населения: у жителей Кар-Хара всегда было много хлеба, но мало зрелищ. Чтобы элитарные круги от скуки не начали бунтовать, мой отец придумал своеобразную программу и назвал её Металлическим Турниром. Изначально он создавал это шоу для своего ближнего окружения, однако со временем я нашла этой идее более достойное применение. Теперь организаторы и гаранты Турнира, то есть люди, переводящие на правительственные счета крупные суммы, чтобы принять участие в судьбах очередных участников очередного Металлического Турнира, обретают серьёзную привилегию. Я обещаю им призрачное первенство в списках на вакцину от бесплодия или Стального вируса, если таковая будет изобретена нашими медиками, и обещаю записать на их банковский счёт кровь погибших в Ристалище пятикровок, как чистую валюту, которой их потомки смогут воспользоваться в смутном будущем. Эти глупцы разоряются и служат мне за

такие глупости... – она резко замерла, но лишь на пару секунд. – Однако во время последнего Металлического Турнира кое-что пошло не по плану. В Ристалище появились Блуждающие и эта информация, по глупейшему упущению прессы, просочилась в массы. В течение нескольких дней весь Кар-Хар узнал, что Ристалище, тот самый рубеж, отделяющий Дилениум от зараженных земель, поражен Стальным вирусом – Блуждающие еще никогда не были к нам так близко. Паника среди населения разрослась словно пожар в жаркий летний день. Естественно я своевременно лишила голов тех, кто был причастен к утечке конфиденциальной информации, но ситуация уже была упущена, а моя власть скомпрометирована: Черные Страхи – одна из сотен ошибок-мутантов учёных Кар-Хара в мире природы, стали прислужниками нашего врага. Начались разговоры о том, что Блуждающие подбираются к пределам Дилениума верхом на Черных Страхах, которых мы им любезно предоставили. В итоге мне пришлось обрезать особенно длинные языки, после чего число сомневающихся в моей власти заметно сократилось. В любом случае у меня есть чем бить карту при любом раскладе, встанет ли против меня человек или Блуждающий. Мой козырь – Металлы. Они принадлежат мне, пока у меня есть то, что им нужно – их окружение. Иными словами: их друзья, родственники, просто близкие их металлическим сердцам люди. До сих пор мне не за что было особенно зацепить двух из имеющихся в моём рукаве Металлов, кроме как их дружбы и семьи брата их подруги Франция, но недавно на сцене появилась ты, первая в истории девушка-пяतिकровка, и эти двое словно с цепи сорвались. Теперь ты – моя красная кнопка, моя педаль давления, моя приманка, их самое уязвимое место, – женщина буквально вцепилась в меня своими бесцветными глазами, и я резко перевела взгляд на потолок, пытаюсь восстановить сбившееся от осознания масштабов ужаса дыхание. Я наконец начала понимать, в какую западню попала, позволив Платине помогать мне. В голове сами собой всплыли слова, прозвучавшие в Ристалище:

“ – Зачем ты мне помогаешь?”

– Просто мне хочется, чтобы ты выжила”.

– Теа Диес, первая в истории девушка-пяतिकровка, – Эгертар выпрямилась и, не поднимаясь, подкатила своё кресло впритык к изголовью кушетки, к которой я была безнадежно прикована перед ней. – Что в этом заключении – ложь?

С этого вопроса начался её монолог, но только сейчас я поняла, какую смысловую нагрузку он несёт. Я не пяतिकровка. История о том, что в моих венах

течёт пятая группа крови – хитроумно сплетенная ложь для двух могущественных Металлов, чья слабость до сих пор заключалась всего лишь в их дружбе, что не является достаточно мощной цепью, на которой Кар-Хар, Ивэнджелин Эгертар, мог бы удерживать этих церберов. Она сделала из меня приманку, ложную пустышку, на которую, несмотря на всю её пустоту и бесполезность, клюнули две самые крупные акулы в аквариуме. Платина и Золото побежали за тем, что на самом деле не представляет для них никакой ценности... Но зачем? На что они рассчитывали? Окажись я на самом деле пятикровкой, что им с того?..

– Ложь в твоём имени, – Эгертар нагнулась к моему лицу и заглянула мне прямо в глаза. На сей раз я особенно остро не поняла значения её слов. – Ты пятикровка, но имя тебе не Теа Диес. Твоё полное имя: Теона Диес. Теа – имя женщины, давшей тебе жизнь. Но это не столь важно, ведь сейчас тебя терзает иной вопрос: зачем ты понадобилась самым могущественным Металлам Дилениума? Почему я отберу тебя у них, как любимую игрушку у капризных детей?.. – она начала рассматривать мои скулы, словно те были заточены под её взгляд. – Знаешь, что дети делают с любимыми игрушками? – вдруг снизила тон она и продолжила еще более низким тоном. – Они отрывают им руки, – она коснулась моего замершего предплечья своей сухой рукой, – отрывают им ноги, – она посмотрела на мои ноги, – отрывают от них пуговицы и выдёргивают из них вату, но не расстаются с ними до последнего. Они никому не дают с ней играть, а когда самим надоедает – хранят любимую, хотя и изуродованную игрушку, в самом дальнем углу своего тёмного шкафа, как персональный скелет, напоминающий им о весёлом прошлом. Вот зачем нужны любимые игрушки детям, – она с силой сжала моё предплечье обеими руками, напоминающими усыхающие клешни, вцепилась в них тонкими пальцами, как паук вцепляется в вожделенную муху. Я едва сдерживала себя, чтобы не застонать от ужаса и бессилия. – Бедная, маленькая девочка, – она попыталась погладить меня по волосам, но я откинула голову в сторону. – Я расскажу тебе, что с тобой будет, стоит тебе попасть в руки одного из этих Металлов. Что они с тобой сделают, почему они будут ходить передо мной на цыпочках, лишь бы заполучить тебя в своё распоряжение, лишь бы засунуть тебя в свой тёмный шкаф. Слушай же, зачем ты нужна Платине, зачем нужна Золоту, зачем нужна могущественным Металлам, – она буквально душила мою руку своими двумя. Она хотела бы проделать то же самое с моей шеей: я видела огонь в её глазах, видела неукротимую злость и даже ненависть. Она попытается меня убить. Рано или поздно, но она предпримет эту попытку. Возможно, уже сейчас... – Всё равно ты забудешь этот разговор, а если когда-то и начнёшь вспоминать всё произошедшее с тобой после Церемонии Отсеивания, это будет последним, что

ты вспомнишь: правда о том, что благородства не существует, что Платина тебе не защитник, а Золото на самом деле тебе не друг, – с этими словами она дотянулась до изгиба моего левого локтя и нажала на него с такой силой, что мне пришлось изо всех сил сжать зубы, чтобы не вскрикнуть от боли. Лишь в этот момент я заметила, что к моей левой руке прикреплен подозрительный аппарат, смутно напоминающий электронный шприц. – Сейчас у тебя случится передозировка пилфонием и твою хрупкую память как рукой сотрёт. – Сказав это, Эгертар нажала на устройство, прикрепленное к моей руке, и уже в следующую секунду я почувствовала, как мои распухшие вены наполняются пугающих холодом. Я инстинктивно дернула рукой, хотя и осознавала, что это не поможет. Сразу после этого Ивэнджелин прижала оба моих и без того прикованных локтя к твёрдой кушетке и, нагнувшись к моему лицу, начала рассматривать меня в упор:

– Хочешь узнать, зачем ты понадобилась Платине и Золоту настолько, что они прогнуться передо мной ради того, чтобы заполучить тебя? Настолько, что из-за желания обладать твоей жизнью они готовы разругаться друг с другом. Настолько, что готовы таскаться с тобой по всему Руднику, по всему Ристалищу, лишь бы ты не отбросила душу прежде, чем они смогут добраться до тебя? Это мой тебе подарок. Слушай же, в чём заключается твоя ценность. Слушай внимательно, – глядя мне в глаза, она уже не говорила – она шипела сквозь зубы, словно гадюка, чей хвост прищемлён моей неосторожной ногой. – Попытайся запомнить это, Теона. Потому что это слишком страшно, чтобы это можно было забывать... Потому что это пропасть всех страхов... И всё равно у тебя не получится запечатлеть это в памяти, всё равно ты упустишь нить... Ну что, готова узнать всё и забыть всё навсегда? Слушай же, никчёмная пятикровка, во что оценили твою жизнь могущественные Металлы!..

Она произнесла это вслух.

Громко...

Отчётливо...

Трижды.

Аппарат на моей руке запищал и нечеловеческий голос начал обратный отсчёт:
10... 9... 8... 7... 6... 5...

На пятой секунде я впала в истерику такой силы, что, кажется, услышала, как затрещали удерживающие меня ремни.

Я потеряла сознание под аккомпанемент собственного крика, смешанного с так и не успевшими сорваться с моих глаз слёз. Я не хотела забывать подобного, не могла позволить себе забыть, хотела знать, чтобы иметь возможность на самозащиту, чтобы предотвратить удар...

Но наркотик сделал своё дело. Я забыла всё спустя десять секунд после того, как всё узнала. Я даже забыла о наркотике. Ни-че-го – вот, что у меня осталось. Ничего, которое люди называют пустотой в голове и душе, дырой в сознании, провалом вникуда. Я провалилась. Обнулилась. Меня стерли. Я осталась ни с чем перед лицом громадной опасности, перед всевидящими глазами страха, неустанно смотрящими на меня из моей персональной темноты.

Глава 5.

Настоящее время

– Кажется, что-то шевелится за кустами бузины, – шепчет Эльфрик.

Стоя на одном колене, он сосредоточенно смотрит в прицел винтовки, дуло которой едва высовывается из импровизированного окошка нашего подвешенного на дереве укрытия в виде дощатого домика, замаскированного ветками с пожухлой листвой. Мы уже два часа торчим здесь, но всё безрезультатно – кабаны, следы которых накануне мы обнаружили вокруг нашего дуба, не объявляются.

Взяв свою потёртую и переделанную по личным стандартам автоматическую винтовку, выменянную в конце сентября у оружейника за целого лося, я высунула дуло в ближайшее к себе окошко и посмотрела в прицел. Спустя минуту напряженного ожидания я окончательно убедилась в том, что тревога

ложная, и разочарованно вернулась обратно на успевший остыть после моего подъёма пол, чтобы продолжать следить за лесом через другое окно, выходящее на восток. Рассвет уже наступил, но из-за плотных серых облаков, не дающих солнечным лучам ни шанса на существование, он казался неестественным и даже призрачным, какими обычно бывают только осенние рассветы.

После моего возвращения на позицию Эльфрик еще несколько минут рассматривает кусты бузины, но вскоре сдаётся и тоже опускается на пол, располагается с левого бока напротив меня. Это четвёртый его перерыв на пять минут за последние два часа: он неотрывно караулит свою сторону леса ровно по полчаса, после чего даёт несколько минут своим онемевшим от напряжения рукам и ногам, чтобы те успели прийти в норму. Мне выпал жребий наблюдать за нижним окном, так что у меня проблем с затеканием конечностей не возникает. Только жутко холодно, разве что пар изо рта не идёт – в конце концов уже конец марта, настоящие холода лишь недавно остались позади, а первые тёплые ночи наступят не раньше, чем через восемь недель.

Пока ещё рано для тёплых ночей, поэтому Эльфрик расстегивает свою телогрейку, обшитую десятками внешних и внутренних карманов, и достаёт из тёмных недр своего замысловатого одеяния фляжку. Он проделывает этот обряд в конце каждого часа ожидания, не обещающего стать для нас последним: выуживает флягу – делает глоток – протягивает мне – ждёт, пока я сделаю глоток – забирает флягу – делает ещё один глоток – крепко закручивает пробку – прячет флягу в недрах внутренних карманов телогрейки.

Телогрейка у него хорошая, тёплая, сшитая Дельфиной специально под его габариты, а вот флягу он выменял у воровщика, специализирующегося на мелкокалиберных ликторах, взамен отдав парню кусок парафина и две упаковки колотого сахара. Неплохой обмен, даже с учётом того, что пробка во фляжке прокручивается, если слишком усердно ею орудовать.

Воры в Кантоне-А – отличный народ. Они не воруют у однокантоновцев, хотя, может быть только потому, что, по сути, воровать у них нечего, даже если бы этого очень сильно хотелось. Зато ликторов они обчищают ровно настолько, насколько это возможно.

Так как работы в Кантоне на всех не хватает, а людям предоставляется весьма смутное понятие выбора – батрачить за пару монет, либо загнуться от голода в кратчайшие сроки – воровать здесь умеет каждый. То есть даже я. Если не

учитывать того факта, что я занимаюсь незаконной охотой за стенами Кантона, тогда за всю жизнь я всего трижды проверяла, насколько хорошо развито моё воровское мастерство: в семь лет я своровала упаковку соли из склада, отведенного под личные запасы ликторов, засунув её за пояс и спокойно прошмыгнув мимо охранника – в итоге нам с Эльфриком хватило этой соли почти до середины весны; в девять лет я украла у жены теперь уже бывшего главнокомандующего ликтора красивое карманное зеркало в кружевной оправе и в итоге смогла выторговать за него у молочника целых две бухты творога и сто грамм сыра; в одиннадцать лет я подобрала полную обойму за рассеянным ликтором, вышедшим из вшивого борделя, и, естественно, не отдала находку её похотливому хозяину, вместо этого обменяв её у оружейника на замечательный булат, который в итоге остался у Эльфрика во владении. С моим уровнем везения в подобных вещах и умением заключать выгодные сделки из меня мог бы выйти отличный вор, вот только я выбрала другую нишу – я, как недавно заметил Эльфрик и как бы сильно мне была не по душе такого рода формулировка, отличный браконьер. Самый настоящий, умудренный опытом, не видящий смысла своей жизни без деятельности на виртуозно освоенном поприще... В общем, лучший в своём деле. То есть: выживший.

– Хороший бизнес он придумал, м? – встряхнув фляжкой, перед тем как окончательно спрятать её за пазухой, приглушенно выдохнул Эльфрик. Успех в нашем деле во многом зависит от тишины, поэтому мы стараемся говорить максимально тихо или не говорить вовсе.

Бизнес придумал наш сосед. Каким-то образом, не имея чертежей и опыта, двадцатиоднолетний парень смастерил самогонный аппарат, и это чудовищное изобретение уже месяц как спасает его и его беременную жену от голодной смерти. Один самогонщик в Кантоне-А уже давно как имелся, но эта старуха в последнее время стала выставлять такие высокие расценки, что сейчас у нее без процентов могут позволить себе отовариваться только ликторы, так что клиентура к нашему соседу быстро выстроилась приличная, стоило ему только заявить о себе на этой подпольной нише рынка. Мы с Эльфриком помогали парню и его жене, которая старше меня всего на каких-то полтора года, иногда подкидывая им кусок-другой свежатины, если у нас была такая возможность – просто не хотели однажды увидеть, как этих двоих выносят на носилках в сторону общей могилы. Прежде взамен они ничего, кроме разве что спичек, не могли нам предложить, но теперь наверстали упущенное сполна – две недели назад Эльфрик зарыл в подвале десять литров отличнейшего самогона их производства. Не исключено, что с такими темпами наши соседи достаточно скоро станут даже более обеспеченными, чем мы со своим мясом и шкурами,

которые этим утром не проявляли никакого желания идти в наши руки.

– Слишком сильное пойло, – в ответ замечаю я, не отводя взгляда от своего окна не потому, что надеюсь хотя бы сейчас рассмотреть сквозь пелену серости что-то стоящее, а потому, что мне так проще.

– Сорок градусов ровно, – не дыша отвечает Эльфрик. – Я сам замерял.

– Таким градусом он весь Кантон уложит...

– Для клиентов он разбавляет, на выходе получается по пятнадцать-двадцать градусов.

– Не могу вспомнить, напивалась ли я когда-нибудь? – произношу я, прежде чем успеваю вспомнить о том, что уже давно наложила негласное табу на употребление мной словосочетания “не могу вспомнить” в разговорах с Эльфриком.

– Нет, Теа, ты никогда не напивалась, – ухмыляется в ответ Эльфрик, берясь за свою винтовку. – Подобное ты бы точно не забыла...

Эльфрик замер у своего окна, а я зажмурилась из-за внезапно возникшей перед глазами тёмно-красной вспышки. Я попыталась сосредоточиться, но ничего так и не успела понять: пещера?.. я что-то пила?.. кашель?..

Эльфрик отвлѐк меня:

– Я всё-таки схожу проверю, что там с кустами, – задумчиво протягивает он. – Вдруг какого барсука удастся подстрелить на ужин... Прикрой меня сверху.

– Хорошо, – поджимаю губы я.

В следующую секунду Эльфрик уже спускается вниз по кривой лестнице из прибитых к дубу дощечек, а я перемещаюсь на его место. Пока он продолжает преодолевать путь к земле, я внимательно осматриваю густые кусты бузины, еще не начавшие просыпаться после суровой зимы, и убеждаюсь в том, что там так же тихо, как и во всём лесу. И вправду, почему так тихо?.. Я оглядываюсь,

чтобы задать внезапно взволновавший меня вопрос Эльфрику, но он уже спрыгнул с лестницы и отправился по намеченному курсу. Ладно.

Предрассветная тишина – не повод сгущать краски и без того мрачного утра, не обещающего нам добычи.

Через прицел я без особого энтузиазма наблюдаю за спиной Эльфрика, который, как я вижу, передвигается тоже без особенного воодушевления. Знает ведь, что никакого барсука в этих кустах нет. Просто хочет размять ноги, но лучше бы он этого не делал – в любой момент ведь может появиться дичь, которую он спугнёт одним лишь своим запахом.

Я глубоко вздыхаю и поправляю винтовку, снова не замечая, как проваливаюсь в отстраненные мысли.

Последнее, что я помню наверняка и достаточно отчётливо, чтобы знать, что это правдивое воспоминание: Церемония Отсеивания. Именно с неё начинается провал в моей памяти. Помню, как стояла в общей толпе, помню, как стоящий передо мной парень совершил суицид, размозжив свой мозг по полу прямо передо мной. Помню капельки его крови, отлетевшие на мою руку... Вскоре после возвращения в Кантон я даже имя его вспомнила – Сол Вега – но... Я никак не могу вспомнить, что происходило после.

Присутствовавшие на Церемонии Отсеивания однокантонавцы распустили мощный в своей силе слух о том, что меня назвали пятикровкой и увезли в Кар-Хар с четырьмя парнями-пятикровками. Парней звали Зефир, Нереус, Софос и Фокас. Люди так говорят, но мне в это сложно верить. Возможно даже сложнее, чем им. Во-первых, девушек-носителей пятой группы крови в природе до сих пор не существовало, а во-вторых, я никого из отсеянных на этой Церемонии не помню.

Подозреваю, я могу не помнить чего-то даже более масштабного, но я даже в этом не чувствую уверенности...

До сих пор в Кантон-А, как и в другие Кантоны, насколько мне известно, не возвращался ни один из выявленных во время Церемонии Отсеивания пятикровок. Я же вернулась (точнее будет сказать: меня вернули, но кто и почему?), что очередной раз опровергает возможность того, что я могу быть одной из них.

Пятикровок-девушек не бывает. Точка. Пятикровки не возвращаются из Кар-Хара. Точка. Соответственно, я никак не могу быть носителем пятой группы крови. Точка.

...Сначала во мне что-то застыло. Потом, когда я осознала, что мои попытки вспомнить хоть что-нибудь тщетны, что-то невидимое внутри меня надломилось, и хотя я не видела этого надлома, я уловила душой вибрацию, ультразвуковой треск. А потом я возобновила походы в лес. И мне как будто бы полегчало. Но только как будто бы... Вроде как. Всё равно как переживать из-за неправильно сросшегося перелома кости: вроде как срослось и твоей жизни больше ничего не угрожает, но неудобство тебя гложет. Только вместо кости душевное состояние. Сломалось, а потом сломанным застыло. И теперь я вроде как здорова, но по результатам лечения мне некомфортно внутри самой себя. Может быть мне было бы проще, если бы не сны, которые я никак не могу запомнить, и вспышки неизвестных мне картин, периодически и обескураживающе внезапно возникающие перед моими глазами, и исчезающие прежде, чем я успеваю понять, что именно означает то или иное размытое пятно. Если бы не это и не внешнее состояние моего тела, я бы, может быть, не так сильно переживала по поводу своей амнезии.

Сначала мне не казалось странным, что моё тело такое непривычно чистое. Очнувшись в здании Администрации и уже спустя пять минут покинув его по просьбе главнокомандующего ликтора, идя по знакомым мне переулкам, некоторые из которых оказались неожиданно обугленными и местами полностью выжженными, поднимая каблуками скрипучих от новизны ботинок пепел и пыль брусчатки, я не обращала никакого внимания на ошарашенные взгляды людей и тыканье пальцев в мою сторону. Я и вправду была не похожа на себя: чистая эластичная одежда черного цвета, свежая кожа, пышущая румянцем и откровенным здоровьем, пышные волны волос, напоминающие собой водопад из настоящего шелка. Но шло время – проходили дни и недели, и месяцы – и состояние моей внешности не менялось: тело не пачкалось даже после прямого контакта с грязью, волосы на теле не отрастали, на голове не требовали водных процедур. Если же я принимала редкую ванну, тогда вовсе становилась противоестественно чистой, разве что только не сияла звёздной пылью. Меня словно качественно обработали, перед тем как всунуть обратно в среду грязи, бактерий и блох, но зачем и кому подобное могло понадобиться?.. Более того, на моём теле невозможно было найти ни единого шрама: кожу словно отшлифовали до внушающего беспокойство состояния слоновой кости.

Даже глубокий шрам на лодыжке, приобретённый мной во время охоты на оленя в четырнадцать лет, исчез, будто его никогда и не было на поверхности моей кожи. Кожа теперь была даже лучше, чем может быть у новорождённого младенца: она не поддавалась не только нападкам грязи, но и воды – капли дождя буквально отскакивали от меня в разные стороны. Когда Эльфрик впервые увидел это – это произошло во время настигшего нас посреди охоты ливня – он подумал, что я начала светиться, но на самом деле дождевые капли просто отпрыгивали от моего тела, как отпрыгивало бы живое существо от открытого огня. И хотя прошло уже больше полугода с момента этого открытия, это явление до сих пор выглядит достаточно пугающе и вызывает у меня беспокойство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dar_anne/metallicheskiy-gen

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)